

УДК 343.8, 343.85

DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(6).806-816

ПРЕПЯТСТВИЯ НА ПУТИ РАЗВИТИЯ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИИ, КАНАДЫ И ГЕРМАНИИ

А. В. Лысова^{1, 2}, Х. Кури³¹ Школа криминологии Университета им. Саймона Фрейзера, г. Ванкувер, Канада² Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация³ Институт иностранного и международного уголовного права общества Макса Планка, г. Фрайбург, Германия

Информация о статье

Дата поступления

8 марта 2018 г.

Дата принятия в печать

15 ноября 2018 г.

Дата онлайн-размещения

24 декабря 2018 г.

Ключевые слова

Восстановительное правосудие;
медиация; процесс цивилизации
и децивилизации; коррупция;
сравнительная криминология; Россия;
Канада; Германия

Аннотация. Восстановительное правосудие, представляющее собой концепцию уголовного правосудия, которое сосредоточено прежде всего на потребностях жертв и затронутого преступным деянием сообщества, нежели на наказании правонарушителя, становится неотъемлемой частью уголовного правосудия во многих развитых странах Запада. В России, однако, предпринимаются только первые шаги для развития восстановительного правосудия, и основное внимание уделяется медиации с несовершеннолетними правонарушителями. Основываясь на теории процесса (де)цивилизации Н. Элиаса, авторы предположили, что слабое государство, характеризующееся не столько неэффективной экономикой, сколько неразвитостью социальных институтов, может препятствовать более активному применению восстановительного правосудия в России. В частности, в статье утверждается, что коррупция, подрывающая легитимность государственного управления, а также недоверие силовым структурам, подавление частного бизнеса, ненависть по отношению к отдельным группам населения способствуют усилению карательных настроений, которые противоречат принципам восстановительного правосудия. Сравнительный криминологический анализ восстановительного правосудия в Канаде и Германии демонстрирует уникальную историю его формирования и применения в этих двух странах по сравнению с Россией. Что касается Германии, то моменты децивилизации в этой стране в первой половине XX в., а также в последние несколько лет (связанные с неконтролируемым притоком мигрантов) замедляют развитие восстановительного правосудия. Отсутствие значимых социальных потрясений в Канаде может объяснять значительную поддержку восстановительного правосудия со стороны населения и довольно успешную интеграцию его принципов в традиционную уголовную юстицию Канады. В заключение развенчиваются некоторые мифы о восстановительном правосудии, которые также могут препятствовать его распространению в этих странах. В частности, авторы говорят о том, что традиционная парадигма наказания не должна быть упразднена, но может быть дополнена парадигмой примирения и восстановления.

OBSTACLES TO THE DEVELOPMENT OF RESTORATIVE JUSTICE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIA, CANADA AND GERMANY

Alexandra V. Lysova^{1, 2}, Helmut Kury³¹ School of Criminology, Simon Fraser University, Vancouver, Canada² Far Eastern Federal University, Vladivostok, the Russian Federation³ Max Planck Institute for Foreign and International Criminal Law, Freiburg, Germany

Article info

Received

2018 March 8

Accepted

2018 November 15

Available online

2018 December 24

Abstract. Restorative justice (RJ), which is a concept of criminal justice focused on the needs of victims and the community affected by the criminal act rather than on the punishment of the offender, is becoming an integral part of criminal justice in many developed Western countries. Russia, however, is just taking the first steps in the development of restorative justice with the focus on mediation for juvenile delinquents. Using the theory of the (de)civilization process by N. Elias, the authors suggest that a weak state, characterized not so much by inefficient economy as by underdeveloped social institutes, could be an obstacle for a more active use of RJ in Russia. Specifically, the authors claim that corruption undermining the legitimacy of public administration, a lack of trust in law enforcement, suppression of small business and hatred towards some groups of people all strengthen punitive sentiments that contradict the principles

Keywords

Restorative justice; mediation; the process of civilization and de-civilization; corruption; comparative criminology; Russia; Canada; Germany

of RJ. A comparative criminological analysis of RJ in Canada and Germany reveals the unique history of its emergence and use in these countries in comparison with Russia. As for Germany, the moments of de-civilization in this country in the first half of the 20th century and in the recent years (connected with the uncontrolled influx of migrants) are slowing down the development of RJ. The absence of any significant social upheavals in Canada could explain a strong support for RJ among the local population and a comparatively successful integration of its principles in traditional Canadian criminal justice. In conclusion, the authors debunk some myths regarding RJ, which could constrain its implementation in these countries. In particular, the authors argue, that the traditional paradigm of punishment should not be abolished, but could be supplemented by the paradigm of reconciliation and restoration.

Восстановительное правосудие (ВП) представляет собой концепцию уголовного правосудия, которое сосредоточено прежде всего на потребностях жертв и затронутого преступным деянием сообщества, в то время как традиционное уголовное правосудие направлено на выполнение абстрактных правовых принципов и наказание преступника. Преступление в рамках концепции ВП понимается скорее как конфликт между субъектами, вовлеченными в криминальную ситуацию, чем как конфликт между индивидом и законами государства, которые он нарушил. Таким образом, концепция ВП предлагает принципиально новый подход к тому, как обществу необходимо реагировать на преступление. При этом традиционная «парадигма карательной системы» или «парадигма наказания» не должна быть упразднена, но может быть дополнена «парадигмой примирения» или «восстановления» [1]. Развитие концепции ВП может идти по нескольким направлениям, а именно: одна из тенденций развития и совершенствования системы уголовного судопроизводства; одна из альтернативных форм судопроизводства, для которой характерно упрощение процессуальной процедуры в интересах скорого разрешения уголовно-правового конфликта и применение альтернативных мер ответственности; новый смешанный институт, предусматривающий создание специализированных органов, работники которых будут непосредственно заниматься примирительными процедурами; основополагающая идея для развития системы ювенальной юстиции [2].

ВП сформировало собственный набор практических инструментов. Среди многообразия практик ВП, используемых в разных странах мира, некоторые получили наиболее значительное распространение, а именно: медиация между потерпевшим и правонарушителем; групповые конференции; круги правосудия; группы потерпевших и правонарушителей; про-

граммы поддержки потерпевших; восстановительная работа с правонарушителями. Такое разнообразие программ и подходов связано прежде всего с историческими и культурными особенностями стран, а также с особенностями правового регулирования в каждой конкретной юрисдикции. Однако различные инструменты ВП направлены на достижение сходных целей: создать условия для прямого взаимодействия между жертвой, правонарушителем и другими значимыми членами общины, пострадавшими или затронутыми в результате правонарушения, и создать для них возможности для восстановления, а также предотвращения последующих правонарушений. Более того, применение ВП наряду с традиционными формами наказания может способствовать дифференциации, ускорению, упрощению процесса, что снижает нагрузку на уголовную юстицию, которая может больше внимания уделить опасной преступности и тяжким преступлениям.

С точки зрения связи с уголовным процессом различные практики ВП могут выступать: 1) в качестве альтернативы ему (на этапе досудебного рассмотрения дела); 2) как его часть (в этом случае их результат будет учтен судьей при вынесении решения); 3) как дополнение к уголовному процессу (после вынесения судебного решения: во время отбытия наказания или после его завершения как элемент ресоциализации, в рамках пробации и т. п.).

Реализация принципов ВП находит всё большую популярность во многих странах мира с начала 70-х гг. XX в. Особенно успешно программы ВП в работе как с несовершеннолетними, так и с совершеннолетними правонарушителями зарекомендовали себя в Канаде, США, Австралии, Новой Зеландии, Великобритании, Скандинавских странах, а также в странах Западной Европы. Деятельность служб ВП в этих странах базируется на фундаментальной законодательной базе, специфические же технологии основаны на послед-

них научных разработках современных ученых в области социальных наук, психологии и права. Реализация ВП не идет вразрез с действующей системой правосудия, а лишь дополняет ее, удовлетворяя потребности жертв и преступников, снижая рецидивизм, а также помогая разгрузить суды, снизить затраты на судопроизводство [3].

В России интерес к восстановительному правосудию возник довольно недавно, с конца 1990-х гг. Однако лишь в 2014 г. основы для развития ВП, причем только в отношении несовершеннолетних, были заложены на государственном уровне. Несмотря на некоторые позитивные сдвиги в намерении развивать ВП в России, есть сомнения в том, что оно сможет эффективно функционировать в рамках государственной уголовной политики в современной России. Я. И. Гишинский указывает на усиление репрессивного компонента в современном Уголовном кодексе РФ 1996 г. по сравнению с предыдущими кодексами, а также на практику учета количества прекращенных дел, которая сдерживает применение процедур ВП дознавателями и следователями [4]. К другим, более общим препятствиям на пути развития ВП в Восточной Европе, что вполне применимо к России, Вилемсенс и Волгрейв отнесли существенное одобрение политики наказания общественностью и официальными лицами; сопротивление полиции, прокуроров и судей, которые опасаются конкуренции; пассивность гражданского общества и ослабленную легитимность государства и его институтов; ограниченное доверие к негосударственным организациям и их профессиональным возможностям; нестабильную экономическую ситуацию, что затрудняет ведение проектов; отсутствие традиции сотрудничества и диалога в ряде секторов экономики; общую потерю надежды на лучшее будущее, настроение уныния и цинизма; коррупцию в системе уголовного правосудия [5].

Данная статья ставит своей целью рассмотреть условия возникновения и практику применения ВП в России в сравнении с двумя странами, лидирующими в реализации ВП в своих уголовных юстициях, а именно Канадой и Германией, которые являются высокоразвитыми индустриальными странами со стабильной и сильной либеральной демократией. Выбор этих стран также определяется непосредственным опытом работы авторов настоящей статьи в данных государствах. Теория процесса цивилизации Н. Элиаса будет применена для объяснения

потенциальных препятствий на пути успешного развития ВП, прежде всего в России. Эта теория также позволяет объяснить недавнее замедление в применении ВП в уголовном судопроизводстве Германии по сравнению с Канадой. В заключение будут развенчаны некоторые мифы о ВП, которые могут дополнительно препятствовать его развитию в этих странах.

Процесс цивилизации и восстановительное правосудие

Теоретическая основа, которую мы будем применять для рассмотрения факторов, препятствующих развитию ВП, строится на концепции процесса цивилизации Норберта Элиаса [6]. В первой половине XX в. Элиас разработал модель, которая объясняла характер изменения западной чувствительности со времен позднего Средневековья до современности и связывала этот процесс с более широкими изменениями в социальной организации и способах взаимодействия. Недавно эта модель была успешно применена для объяснения изменений в уровне убийств. В частности, утверждалось, что существует вековой цивилизационный процесс, который привел к существенному сокращению числа убийств со времен позднего Средневековья [7; 8]. Основываясь на модели Элиаса, можно также утверждать, что процесс цивилизации может способствовать снижению жестокости наказания на протяжении нескольких столетий. Кроме того, Элиас указывал, что процесс цивилизации может быть приостановлен или обращен вспять, и это может произойти довольно быстро в результате резких социальных изменений в обществе. Холокост и другие жестокости немецких нацистов представляют собой пример процесса децивилизации.

Согласно Элиасу, одним из ключевых процессов, объясняющих изменения в чувствительности и поведении людей, а также последующее снижение количества насильственных преступлений, является возникновение централизованных государств и сопутствующая этому монополия на применение силы государством [8; 9]. Элиас полагал, что первые сформировавшиеся правительства подавляли частное насилие, совершаемое полунезависимыми феодальными элитами, и накапливали монополию на применение легитимной силы в политическом сообществе. Таким образом, сильные государства с применением силы подавляли наведение порядка самими гражданами, что было распро-

странено до формирования первых государств. Можно предположить, что эрозия государственного устройства, выражающаяся в потере доверия к политическому и гражданскому обществу, и сопутствующее этому ослабление социальных связей и контроля в обществе препятствуют снижению не только уровня насильственных преступлений, но и степени жестокости наказания.

Второй процесс в теории Элиаса, который тесно связан с сильным государством и необходимостью быть успешным в придворной конкуренции за должности, — это растущая принудительная сила самоконтроля, которая, в свою очередь, привела к культивированию глубоко укоренившегося дифференцированного восприятия себя и других. В результате этого изменения люди стали более чувствительными к страданиям других и избегали выражения грубых эмоций и поведения, таких как гнев, ярость и открытое насилие.

Третий аспект цивилизационного процесса Элиаса, который получил гораздо меньше внимания ученых, касается формирования «коммерческого общества», или того, что Кларк назвал «рыночным обществом» [10]. Утверждается, что растущая рыночная экономика способствовала усилению взаимозависимости, потому что успешный бизнес требовал хороших отношений с поставщиками, агентами, клиентами, кредиторами и должниками. Чем больше людей участвовало в этих расширенных сетях, тем сильнее было стремление принимать ограничения такой взаимозависимости, что уменьшало вероятность ежедневного насилия. Снижение жестокости наказания в период формирования «коммерческого общества» может объясняться становлением системы правосудия, основанной скорее на компенсации, чем на мщении. Государство при этом играет важную роль посредника между двумя сторонами [там же].

Восстановительное правосудие: опыт Канады

Идея ВП зародилась в Канаде в 1970-е гг. Уникальная история становления и применения ВП в Канаде связана с адаптацией традиционных форм правосудия, сложившихся в общинах коренных народов Канады, к условиям современности. Семейные конференции и круги правосудия, широко используемые сегодня, представляют собой наиболее яркие примеры попыток примирения между преступниками, жертвами и общиной, заимствованные у коренных народов Канады.

В 1974 г. судья в маленьком городе Китченер в провинции Онтарио позволил двум преступникам, обвиненным в вандализме, компенсировать ущерб своим жертвам. С помощью сотрудника службы пробации и волонтера из Меннонитской церкви преступники встретились с 22 жертвами и выработали соглашение по компенсации ущерба. Компенсация могла быть не только монетарной, она также заключалась в выполнении разного рода работ для жертв. Этот прецедент стал первой формальной попыткой организации примирительной программы между преступниками и жертвами в Канаде.

Механизм применения ВП в современной системе уголовной юстиции Канады следующий. Для правонарушителя есть пять путей быть направленным для участия в программе ВП, а именно: 1) полицией (до вынесения обвинения); 2) прокурором (после вынесения обвинения); 3) судом (до вынесения приговора); 4) службой исполнения наказания (после вынесения приговора); 5) в рамках пробации (после завершения наказания). Условием для направления дела в ВП является добровольное и искреннее намерение обвиняемого принять ответственность за содеянное и готовность работать с жертвами и общиной. Жертвы тоже должны дать согласие встретиться с преступником. Большинство правонарушителей — это молодые люди в возрасте от 14 до 16 лет, которые совершили преступление впервые. Наиболее частые преступления — хулиганство, нанесение граффити, физическое нападение, кража со взломом и мошенничество. Полиция Канады вместе с сотрудниками программ ВП отмечает успех применения программ ВП также для взрослых преступников, что подтверждается научными исследованиями [3].

ВП является неотъемлемой частью уголовной юстиции Канады, которая представляет собой сложную гибридную систему, основанную на двух разных философиях и практиках реагирования на преступление. Законы Канады содержат положения о необходимости применения ВП как подхода, альтернативного традиционному карательному правосудию, как к подросткам (секции 3, 10, 19 и 42 в Законе «О ювенальной уголовной юстиции»), так и к совершеннолетним преступникам (положения 716 и 717 Уголовного кодекса Канады).

Однако сложности в объединении принципов восстановительного и карательного правосудия все же существуют. Судьи в Канаде должны рассматривать возможности применения ВП в

рамках существующей доминантной карательной системы правосудия, основные принципы которой сводятся к наказанию, которое по степени тяжести должно быть пропорционально преступлению и степени ответственности преступника [11]. Эти принципы труднодостижимы в рамках ВП, которое направлено на удовлетворение интересов жертв, принятие ответственности правонарушителями и их интеграцию в общество, а также преодоление вреда, нанесенного преступлением общине. Другая проблема, связанная с ВП, заключается в расширении зоны применения карательной юстиции в случае необходимости назначения тюремного наказания за нарушение условий условного наказания. Это может произойти, если условия для реабилитации и возмещения ущерба в рамках ВП труднодостижимы. К другим трудностям применения ВП в Канаде относятся обязательные минимумы сроков тюремного заключения для некоторых видов преступлений, а также стремление к уравниванию наказания за сходные преступления, совершенные при похожих обстоятельствах. С позиции ВП наказание в первую очередь должно зависеть от потребностей жертв, общины и преступника, и поэтому оно может варьировать между разными преступниками.

Громкое убийство девочки-подростка двумя другими несовершеннолетними в провинции Британской Колумбии в 1997 г. демонстрирует эффект применения ВП и его взаимодействие с карательной юстицией Канады. Два подростка, Варрен Гловацки (16 лет) и Келли Эллард (15 лет), вначале жестоко избили и затем утопили Рину Вирк (14 лет). Оба подростка были признаны виновными в совершении убийства второй степени и приговорены к пожизненному заключению. Однако так как Гловацки добровольно и с согласия семьи жертвы участвовал в программе ВП (в ходе которой извинился, признал ответственность за содеянное, и семья жертвы приняла это), он был освобожден из тюрьмы в 2010 г. Эллард же все еще в тюрьме, несмотря на рождение у нее там ребенка и многочисленные прошения о раннем освобождении. Она не изъявила желания участвовать в программе ВП и отказывается полностью признать свою вину. Семья жертвы так и не услышала от нее просьбы о прощении за содеянное более 20 лет назад.

Сегодня в Канаде создано и успешно функционирует более 400 программ ВП¹. Вместе с Новой

Зеландией и Австралией Канада является одной из передовых стран в мире по распространению и степени применения ВП в своей уголовной юстиции. Опросы общественного мнения среди канадцев демонстрируют высокую поддержку ВП, особенно за ненасильственные преступления (85 %). Основные цели наказания посредством заключения в тюрьму жители Канады видят в обеспечении общественной безопасности (37 %), реабилитации (34 %); только 17 % называют «наказание конкретного преступника» [12].

Восстановительное правосудие в Германии

Первые попытки улучшения положения жертв преступлений в Германии нашли свое отражение на законодательном уровне в 1970-х и 1980-х гг. Однако, несмотря на введение в 1976 г. Закона о компенсации жертвам и в 1986 г. Закона о защите жертв, жертвы и общины оставались мало интегрированными в уголовное судопроизводство. Более активное развитие ВП в Германии началось с 1990-х гг. в форме медиации. В 1994 г. медиация жертвы — правонарушителя стала частью уголовного законодательства по делам несовершеннолетних. Она предназначалась для использования не только в случаях мелких преступлений, но и для всех преступлений, в том числе насильственных преступных деяний [13]. Хотя только треть жертв серьезных преступлений соглашалась на участие в программе медиации [14], в 80 % всех других дел обе стороны нашли разрешение конфликта через медиацию.

Более того, в 1999 г. правительство Германии приняло Закон для усиления внесудебного разрешения конфликтов. В соответствии с этим законом реституция жертвы — правонарушителя стала официальной частью уголовного процесса [15, S. 90]. Прокуроры и судьи теперь стали должны рассматривать возможность разрешения дел путем посредничества между правонарушителем и жертвой на всех этапах уголовного процесса. Сегодня в Германии процедура реституции жертвы — правонарушителя остается единой во всех федеральных землях. Критерии применения реституции состоят в следующем: исключение мелких преступлений (чтобы избежать расширения социального контроля), наличие конкретной жертвы, четко определенные обстоятельства преступления, признание вины и принятие ответственности за преступление правонарушителем и, наконец, согласие обеих сторон (жертвы и правонарушителя) на установленную процедуру и желание сотрудничать [ibid, S. 93; 16].

¹ Search the directory of restorative justice. Department of Justice. URL: <http://www.justice.gc.ca/eng/cj-jp/rj-jr/sch-rch.aspx>.

Несмотря на значительные достижения в применении «восстановительной парадигмы» в уголовной юрисдикции Германии в последние 20 лет, а также на эффективность этих программ [17–19], есть факторы, которые сдерживают развитие ВП в полной мере. Среди этих факторов — ограниченная информированность сотрудников уголовной системы, а также населения о принципах и результативности ВП. Часто сами жертвы не осведомлены о возможностях, альтернативных карательному правосудию [14]. Однако основные факторы связаны с недавними политическими и социальными изменениями в немецком обществе. Наплыв в Германию большого числа мигрантов из исламских стран в последние несколько лет связывают с усилением страха перед преступностью и ростом настроений, поддерживающих жестокость наказания² [20].

Восстановительное правосудие: опыт России

В России интерес к ВП возник в конце 1990-х гг. Начало реализации его идей было заложено в проектах общественного центра «Судебно-правовая реформа» (www.sprc.ru). Условиями для этого послужили растущая роль ВП в уголовных системах западных стран, а также необходимость следовать общепризнанным принципам и нормам международного права и международных договоров РФ [21]. В 2014 г. Правительство РФ утвердило Концепцию развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации³. Это свидетельствует о признании необходимости медиации и других практик ВП в России.

Более того, действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ уже содержит базу для введения института медиации в современное уголовное судопроизводство. Во-первых, в соответствии с п. 2 ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и пред-

упреждения совершения новых преступлений. Во-вторых, УК РФ допускает переговоры обвиняемого и потерпевшего с целью сглаживания уголовно-правового конфликта по значительному количеству уголовных дел с целью прекращения дела за примирением сторон, а также для смягчения наказания виновному в связи с возмещением потерпевшему ущерба от преступления. Освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям предусмотрено следующими нормами: ст. 75 УК РФ — освобождение в связи с деятельным раскаянием (при условии небольшой тяжести преступления, его совершения впервые и факта деятельного раскаяния); ст. 76 УК РФ — освобождение от уголовной ответственности за примирением сторон; ст. 77 УК РФ — освобождение в связи с изменением обстановки; ст. 78 УК РФ — в связи с истечением сроков давности (это тоже освобождение от уголовной ответственности). Однако отсутствие процедур, направленных на инициирование государственными органами восстановительных мер между потерпевшим и обвиняемым, означает формальное отсутствие медиации в российской правовой системе [22].

Развитие ВП поддерживается российскими криминологами, о чем свидетельствует существование Федерального института медиации (fedim.ru), а также специального журнала, в котором обсуждаются проблемы медиации и иных практик ВП в России. Наиболее активно применять ВП в России предлагается в работе с несовершеннолетними правонарушителями [22; 23]. Следующим шагом должен стать процесс системной интеграции медиации в уголовное право РФ. Это требует пересмотра понятийного аппарата российского права с введением таких понятий, как процедура медиации, медиативное соглашение, ВП и восстановительный подход [24]. Согласно теории процесса цивилизации Н. Элиаса, в первую очередь необходимы изменения на институциональном уровне, которые создадут условия для принятия «восстановительной парадигмы» наказания.

Процесс децивилизации в России как препятствие на пути развития ВП

Основываясь на модели процесса (де)цивилизации Элиаса, рассмотренной выше, можно предположить, что Россия в XX в. претерпела элементы децивилизации дважды, а именно после Октябрьской революции в 1917 г. и после распада Советского Союза в 1991 г. В 2000-х гг.

² Die Ängste der Deutschen 2018 // R+V-Versicherung mit dem Plus. Wiesbaden, 2018. URL: <https://www.ruv.de/presse/aengste-der-deutschen>.

³ Поручение Правительства Российской Федерации от 8 мая 2015 г. № ОГ-П4-3106. URL: http://www.iro.yar.ru/fileadmin/iro/res_center/pravonarusheniya/poruchen-1013-o3-mo.PDF.

российское общество переживало последствия глубокого социально-политического и экономического кризиса, включая роспуск Советского Союза в 1991 г. и экономический кризис 1998 г. В то же время российская экономика, несмотря на зависимость от нефти, быстро росла, и средний уровень ожидаемой продолжительности жизни после 1999 г. увеличивался. Некоторые ученые утверждали, что Россия стала «нормальной страной со средним уровнем доходов» с типичными проблемами страны с переходной экономикой [25]. Однако слабость государства в рамках процесса децивилизации относится не столько к экономическим показателям, сколько к функционированию социальных институтов, таких, скажем, как правоохранительные органы. В связи с этим некоторые ученые указывали на множество неблагоприятных аспектов российской политики и бизнеса в 2000-х гг., например на безудержную коррупцию, организованную преступность и выраженную политическую культуру насилия [26; 27]. Неудивительно, что в этих условиях многие россияне негативно воспринимали полицию и не выражали доверия силовым институтам в целом [28; 29].

Второй компонент теории процесса цивилизации, тесно связанный с сильным государством, — это сформировавшаяся чувствительность к страданиям других и избегание выражения грубых эмоций и открытого насилия. Жители России на протяжении XX в. претерпели существенные изменения в выражении своих истинных чувств и поведения. В советское время люди подавляли и скрывали свои истинные мысли и спонтанные эмоции из-за страха попасть на заметку КГБ. После распада Советского Союза они, казалось, начали проявлять себя более открыто. Хотя этот процесс носил в основном спонтанный характер, есть предположение, что ненависть и гнев по отношению к определенным группам населения культивировались под влиянием скоординированных пропагандистских усилий, которые, в свою очередь, служили инструментом для объединения российского общества и усиления внутренней и внешней политики [27]. Одной из самых распространенных форм массового сознания в 2000-х гг. стала ксенофобия и национализм [30; 31]. Процент россиян, открыто выражающих ксенофобию, увеличился с 20 % в 1989 г. почти до 60 % в 2005 г. [27]. Ненависть по отношению к чеченцам, украинцам, грузинам и иностранцам в целом, особенно американцам, усугублялась после 2000 г. [32]. Сегод-

ня наблюдается воскрешение идеи «все против нас», которая включает в себя поощрение антиамериканских настроений, преследование врагов в России и за ее пределами [33], а также генерирование ностальгических чувств в отношении великого советского прошлого, включая Победу во Второй мировой войне [34].

Третий аспект процесса цивилизации Элиаса относится к усилению взаимозависимости в обществе в результате развития рыночных отношений. Развитие рыночной экономики в России протекало бурно после краха в 1991 г. советской плановой экономики. Однако довольно быстро обнаружилось, что слабое правительство с отсутствием эффективной правоохранительной системы способствовало всплеску преступности, включая противоправное давление на растущий частный бизнес. Для защиты своей собственности и разрешения конфликтов со своими деловыми партнерами у предпринимателей не оставалось выбора, кроме как полагаться на преступные группы (криминальные «крыши»), что привело к быстрому росту организованной преступности. Сотрудники правоохранительных органов различных ведомств (МВД, Федеральная служба безопасности, Федеральная служба налоговой полиции и т. д.) получили свою долю в предоставлении незаконной защиты предприятиям [35]. В 2003 г. поднялась новая волна давления на бизнес на всех уровнях власти, и к 2008 г. роль бандитов была полностью задействована полицейскими, следователями и прокурорами. Это растущее «государственное насилие» против бизнеса привело к существенному оттоку капитала в 2008–2009 гг. Присоединение Крыма к РФ и последующие экономические санкции способствовали продолжающемуся оттоку капитала из России с пиком в 2014 г., когда из страны было выведено более 150 млрд дол.⁴

Рассмотренные выше аспекты процесса децивилизации, наблюдающиеся в стране с 1990-х гг., могут служить основанием для сдерживания развития ВП в современной России. Коррупция, подрывающая легитимность государственного управления, недоверие силовым структурам, нападки на частный бизнес, ненависть и гнев по отношению к разным группам населения способствуют снижению чувстви-

⁴ Чистый отток капитала из России в 2017 году вырос более чем в три раза. URL: <https://meduza.io/news/2017/12/11/chistyy-ottok-kapitala-iz-rossii-v-2017-godu-vyros-bolee-chem-v-tri-raza>.

тельности в понимании Элиаса, что, в свою очередь, усиливает карательные настроения, которые противоречат принципам ВП.

Дискуссия и заключение

Несмотря на уникальные истории формирования и применения практик ВП в Германии и Канаде, обе страны лидируют в мире в применении ВП в своих уголовных юрисдикциях. Однако, основываясь на теории цивилизации Н. Элиаса, можно объяснить наблюдающееся замедление в развитии и применении ВП в Германии существенными изменениями в настроениях населения в отношении мигрантов, собственного правительства и наказания. Неконтролируемый приток мигрантов преимущественно из исламских стран связан с ощутимым ростом карательных настроений среди населения, а также снижением интереса среди потерпевших от преступлений использовать ВП вместо традиционных карательных подходов к наказанию. Хотя интерес к ВП в России возник сравнительно недавно, можно говорить о признании потребности в развитии медиации и других практик ВП в России. Важно отметить, что сравнительный анализ практик ВП в Германии и Канаде не означает призыв к их слепому копированию в условиях российского общества. Это, скорее, примеры того, как в разных обществах смена угла зрения помогала найти свои собственные, приемлемые именно в данных условиях пути восстановления справедливости после совершенного преступления. Данные примеры могут подсказать, как найти способ адаптировать новые подходы к существующей правовой системе. Однако применение теории процесса (де)цивилизации Элиаса к развитию ВП в России указывает на факторы, которые могут препятствовать его эффективному развитию в стране. Во-первых, это эрозия государственного устройства, выражающаяся в недоверии к социальным институтам, прежде всего силовым структурам, и в ослаблении социальных связей в обществе. Связанная с этим сниженная чувствительность к страданиям других, а также ненависть и гнев в отношении определенных групп населения лишь способствуют растущим карательным настроениям, которые противоречат идеям ВП. Наконец, атаки на частный бизнес в России подрывают идею взаимозависимости и необходимости поддерживать сильные функциональные от-

ношения в сообществе, которая также лежит в основе ВП.

Помимо этого, предполагается, что в России и в других странах существует много неверных и неточных представлений о том, что собой представляет ВП. В своей последней книге Г. Зер рассматривает некоторые мифы о ВП, которые могут задерживать развитие его принципов и процедур в России [1]. Более точные утверждения о природе ВП изложены ниже.

ВП не является формой прощения преступника и (или) примирения с ним. В любом случае, это не основной принцип ВП. Действительно, оно создает условия, в которых одно или оба этих явления могут произойти. В этом ВП отличается от карательной пенитенциарной системы уголовного правосудия. Однако прощение и (или) примирение является выбором участников того типа правосудия, которое не может основываться на давлении.

ВП не нужно путать с медиацией. Хотя многие программы ВП основаны на возможности очной ставки (встречи) между жертвами, правонарушителями и иногда членами общины, такие встречи организуются не во всех случаях и не всегда считаются полезными. Более того, в отличие от медиации, встречи в рамках ВП редко предполагают уравнивание ответственности между сторонами. Правонарушители должны признать совершение преступлений и принять ответственность за содеянное.

Снижение рецидивизма в совершении преступлений не является первостепенной задачей ВП. Хотя ВП, безусловно, стремится к предотвращению повторных преступлений, основное внимание уделяется удовлетворению потребностей жертв преступлений, принятию ответственности за деяния правонарушителями и включением сообщества в этот процесс независимо от последующих действий преступника.

ВП не представляет собой некую стандартную модель, в соответствии с которой нужно действовать. Оно включает в себя множество разных программ (нет одной идеальной). Более того, ВП активно развивается в последние несколько десятилетий, и многое зависит от сообществ, которые предлагают, опробуют и развивают разные программы под шапкой ВП. Таким образом, оно лишь открывает путь для диалога и экспериментирования с разными формами ВП.

ВП направлено не только на сравнительно легкие правонарушения или на правонарушителей,

совершивших преступления впервые. Хотя, действительно, было бы легче заручиться поддержкой сообществ в распространении применения ВП для наименее тяжких преступлений, исследования демонстрируют способность ВП эффективно справляться также с тяжкими преступлениями.

ВП не является новым или северо-американским изобретением. Современные модели ВП действительно возникли в 1970-е гг. вначале в Канаде, затем в США. Однако своими корнями оно уходит в практики коренных народов, населяющих Новую Зеландию и Северную Америку.

ВП — это не панацея, оно не может заменить современные формы правосудия. Многие сторонники ВП верят, что его принципы в современном правосудии должны использоваться шире. Однако западная система правосудия играет большую роль в охране основных прав человека и поэтому не может быть упразднена. Более

того, две системы правосудия, карательная и восстановительная, являются, скорее, двумя противоположными полюсами, идеальными типами. Современное правосудие должно стремиться включить сильные элементы обеих систем.

ВП не является непосредственной альтернативой тюремному заключению. В современных западных обществах тюремное заключение как форма наказания используется довольно часто. Хотя более широкое применение принципов ВП могло бы помочь сократить число тюрем, эта форма наказания, тем не менее, нужна для отдельного рода преступников.

ВП не выступает противоположностью карательной системы. Обе системы представляют скорее два идеальных типа и могут применяться смешанно. Основная цель обеих систем связана с восстановлением справедливости, однако они различаются видением способов, как это сделать.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Zehr H. The little book of restorative justice: revised and updated / H. Zehr. — New York : Good Books, 2015. — 112 p.
2. Куцумакина Е. В. Идея восстановительного правосудия и современный уголовный процесс: пути взаимодействия / Е. В. Куцумакина // Закон и право. — 2008. — № 12. — С. 79–81.
3. Latimer J. The effectiveness of restorative justice practices: a meta-analysis / J. Latimer, C. Dowden, D. Muise // The prison journal. — 2005. — № 85 (2). — P. 127–144.
4. Гишинский Я. Уголовная политика Российской Федерации: to be or not to be? [Электронный ресурс] / Я. Гишинский // Индекс/Досье на цензуру. — 2003. — № 18. — Режим доступа: <http://index.org.ru/journal/18/18-gilinsk.html>.
5. Willemsens J. Europe / J. Willemsens, L. Walgrave. — Cullompton : Willan Publishing, 2007. — 978 p.
6. Elias N. The Civilizing Process / N. Elias. — Oxford : Blackwell, 1978. — Vol. 1. — 592 p.
7. Eisner M. Modernization, self-control and lethal violence: The long-term dynamics of European homicide rates in theoretical perspective / M. Eisner // British Journal of Criminology. — 2001. — № 41. — P. 618–638.
8. Pinker S. The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined / S. Pinker. — New York : Viking Penguin, 2011. — 832 p.
9. Hobbes T. Leviathan / T. Hobbes ; eds. A. P. Martinich, B. Battiste. — Peterborough : Broadview Press, 2010. — 696 p.
10. Clark H. C. Violence, «capitalism», and the civilizing process in early modern Europe / H. C. Clark // Society. — 2012. — Vol. 49, iss. 2. — P. 122–130. — DOI: 10.1007/s12115-011-9515-7.
11. Roberts J. V. Restorative justice in Canada: from sentencing circles to sentencing principles. Restorative justice and criminal justice: Competing or reconcilable paradigms / J. V. Roberts, K. Roach // Restorative Justice and Criminal Justice: Competing or Reconcilable Paradigms / ed. A. von Hirsch [et al.]. — Oxford : Hart Publishing, 2003. — P. 237–256.
12. Stein K. Public perception of crime and justice in Canada: A review of opinion polls. RR2001-1 / K. Stein. — Ottawa : Department of Justice Canada, 2001. — 54 p.
13. Aertsen I. Mediation bei schweren Straftaten — Auf dem Weg zu einer neuen Rechtskultur? / I. Aertsen // Mediationsverfahren: Horizonte, Grenzen, Innensichten. Jahrbuch für Rechts- und Kriminalsoziologie / ed. C. Pelikan. — Baden-Baden : Nomos, 1999. — S. 115–138.
14. Hagemann O. Restorative Justice: Concept, Ideas and Impediments / O. Hagemann // Restorative Justice — A European and Schleswig-Holsteinian Perspective / ed. R. Lummer, O. Hagemann, J. Tein. — Kiel : Kiel Univ. of Applied Sciences, 2011. — Vol. 1. — P. 34–59.
15. DeLattre G. Der Täter-Opfer-Ausgleich — die Praxis eines anderen Umgangs mit Straftaten / G. DeLattre // Mediation und Polizei / ed. P. Senghaus. — Rothenburg/Oberlausitz : Sächsische Polizei, 2010. — S. 81–102.
16. Diversion. Alternativen zu klassischen Sanktionsformen / ed. H. Kury, H. Lerchenmuller. — Bochum : Studienverlag Dr. N. Brockmeyer, 1981. — 100 S.
17. Busse J. Rückfalluntersuchung zum Täter-Opfer-Ausgleich. Eine statistische Untersuchung im Amtsgerichtsbezirk Lüneburg / J. Busse. — Marburg, 2001. — 205 S.
18. Dölling D. Legalbewährung nach TOA im Jugendstrafrecht / D. Dölling, A. Hartmann, M. Traulsen // Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform. — 2002. — № 85. — S. 185–193.
19. Kumpmann S. Kosten und Kostenersparnis im Täter-Opfer-Ausgleich. Praxisheft Täter-Opfer-Ausgleich / S. Kumpmann. — Servicebüro für Täter-Opfer-Ausgleich und Konfliktschlichtung, 2007. — 45 S.
20. Streng F. Kriminalitätswahrnehmung und Punitivität im Wandel. Kriminalitäts- und berufsbezogene Einstellungen junger Juristen — Befragungen von 1989 bis 2012 / F. Streng. — Heidelberg : Kriminalistik Verlag, 2014. — 78 S.

21. Вальшина И. Р. История развития упрощенного производства в отечественном уголовном процессе / И. Р. Вальшина // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 2. — С. 115–121.
22. Кузьмина О. В. Альтернативы уголовному преследованию в российском уголовном процессе / О. В. Кузьмина // Научный поиск. — 2014. — № 3.2. — С. 42–47.
23. Карнозова Л. М. Программы восстановительного правосудия с несовершеннолетними правонарушителями / Л. М. Карнозова // Психология и право. — 2012. — № 4. — С. 143–153.
24. Шамликашвили Ц. А. Отчет по теме: «Изучение опыта зарубежных и международных органов и организаций, работающих в области медиации и восстановительного правосудия, а также профессиональных объединений медиаторов с целью разработки предложений по совершенствованию системы медиации в Российской Федерации» / Ц. А. Шамликашвили ; Федер. ин-т медиации. — М., 2016. — 69 с.
25. Shleifer A. A normal country: Russia after communism / A. Shleifer, D. Treisman // Journal of Economic Perspectives. — 2005. — Vol. 19, № 1. — P. 151–174.
26. Gerber T. P. Public experiences of police violence and corruption in contemporary Russia: A case of predatory policing? / T. P. Gerber, S. E. Mendelson // Law & Society Review. — 2008. — Vol. 42, iss. 1. — P. 1–44.
27. Shlapentokh V. The hatred of others: The Kremlin's powerful but risky weapon / V. Shlapentokh // World Affairs. — 2007. — Vol. 169, № 3. — P. 134–142.
28. Semukhina O. Russian citizens' perceptions of corruption and trust of the police / O. Semukhina, K. M. Reynolds // Policing and Society. — 2014. — Vol. 24, iss. 2. — P. 158–188.
29. Zernova M. The public image of the contemporary Russian police: Impact of personal experiences of policing, wider social implications and the potential for change / M. Zernova // Policing: An International Journal of Police Strategies and Management. — 2012. — Vol. 35, iss. 2. — P. 216–230.
30. Pain E. A. Xenophobia and ethno-political extremism in post-soviet Russia: Dynamics and growth factors / E. A. Pain // Nationalities Papers. — 2007. — Vol. 35, № 5. — P. 895–911.
31. Sevortian A. Xenophobia in post-Soviet Russia / A. Sevortian // The Equal Rights Review. — 2009. — Vol. 3. — P. 19–27.
32. Petersson B. Coveted, detested and unattainable? Images of the US superpower role and self-images of Russia in Russian print media discourse / B. Petersson, E. Persson // International Journal of Cultural Studies. — 2011. — Vol. 14, № 1. — P. 71–89.
33. Mendelson S. E. Us and them: Anti-American views of the Putin generation / S. E. Mendelson, T. P. Gerber // Washington Quarterly. — 2008. — Vol. 31, № 2. — P. 131–150.
34. Hutchings S. Commemorating the past/performing the present: Television coverage of the Second World War victory celebrations and the (de) construction of Russian nationhood / S. Hutchings, N. Rulyova // The Post-Soviet Russian Media: Conflicting Signals / ed. B. Beumers, S. Hutchings, N. Rulyova. — London : Routledge, 2009. — P. 137–156.
35. Gans-Morse J. Threats to property rights in Russia: From private coercion to state aggression / J. Gans-Morse // Post-Soviet Affairs. — 2012. — Vol. 28, iss. 3. — P. 263–295. — DOI: 10.2747/1060-586X.28.3.263.

REFERENCES

1. Zehr H. *The little book of restorative justice: revised and updated*. New York, Good Books, 2015. 112 p.
2. Kutsumakina E. V. The idea of restorative justice and modern criminal process: ways of interaction. *Zakon i pravo = Law and Right*, 2008, no. 12, pp. 79–81. (In Russian).
3. Latimer J., Dowden C., Muise D. The effectiveness of restorative justice practices: a meta-analysis. *The prison journal*, 2005, no. 85 (2), pp. 127–144.
4. Gilinskii Ya. Criminal policy of the Russian Federation: to be or not to be? *Indeks/Dos'e na tsenzuru = Index / Dossier for Censorship*, 2003, no. 18. Available at: <http://index.org.ru/journal/18/18-gilinsk.html>. (In Russian).
5. Willemsens J., Walgrave L. *Europe*. Cullompton, Willan Publishing, 2007. 978 p.
6. Elias N. *The Civilizing Process*. Oxford, Blackwell, 1978. Vol. 1. 592 p.
7. Eisner M. Modernization, self-control and lethal violence: The long-term dynamics of European homicide rates in theoretical perspective. *British Journal of Criminology*, 2001, no. 4, pp. 618–638.
8. Pinker S. *The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined*. New York, Viking Penguin, 2011. 832 p.
9. Hobbes T.; Martinich A. P., Battiste B. (eds.). *Leviathan*. Peterborough, Broadview Press, 2010. 696 p.
10. Clark H. C. Violence, «capitalism», and the civilizing process in early modern Europe. *Society*, 2012, no. 46, iss. 2, pp. 122–130. DOI: 10.1007/s12115-011-9515-7.
11. Roberts J. V., Roach K. Restorative justice in Canada: from sentencing circles to sentencing principles. Restorative justice and criminal justice: Competing or reconcilable paradigms. In Hirsch von A., Roberts J. V., Bottoms A. E., Roach K., Schiff M. (eds.). *Restorative Justice and Criminal Justice: Competing or Reconcilable Paradigms*. Oxford, Hart Publishing, 2003, pp. 237–256.
12. Stein K. *Public perception of crime and justice in Canada: A review of opinion polls. RR2001-1*. Ottawa, Department of Justice Canada, 2001. 54 p.
13. Aertsen I. Mediation bei schweren Straftaten — Auf dem Weg zu einer neuen Rechtskultur? In Pelikan C. (ed.). *Mediationsverfahren: Horizonte, Grenzen, Innensichten. Jahrbuch für Rechts- und Kriminalsoziologie*. Baden-Baden, Nomos, 1999, S. 115–138.
14. Hagemann O. Restorative Justice: Concept, Ideas and Impediments. In Lummer R., Hagemann O., Tein J. (eds.). *Restorative Justice — A European and Schleswig-Holsteinian Perspective*. Kiel University of Applied Sciences, 2011, vol. 1, pp. 34–59.
15. DeLattre G. Der Täter-Opfer-Ausgleich — die Praxis eines anderen Umgangs mit Straftaten. In Senghaus P. (ed.). *Mediation und Polizei*. Rothenburg/Oberlausitz, Sächsische Polizei, 2010, S. 81–102.
16. Kury H., Lerchenmüller H. (eds.). *Diversions. Alternativen zu klassischen Sanktionsformen*. Bochum, Studienverlag Dr. N. Brockmeyer, 1981. 100 S.

17. Busse J. *Rückfalluntersuchung zum Täter-Opfer-Ausgleich. Eine statistische Untersuchung im Amtsgerichtsbezirk Lüneburg*. Marburg, 2001. 205 S.
18. Dölling D., Hartmann A., Traulsen M. Legalbewährung nach TOA im Jugendstrafrecht. *Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform*, 2002, no. 85, S. 185–193.
19. Kumpmann S. *Kosten und Kostenersparnis im Täter-Opfer-Ausgleich. Praxisheft Täter-Opfer-Ausgleich*. Servicebüro für Täter-Opfer-Ausgleich und Konfliktschlichtung, 2007. 45 S.
20. Streng F. *Kriminalitätswahrnehmung und Punitivität im Wandel. Kriminalitäts- und berufsbezogene Einstellungen junger Juristen — Befragungen von 1989 bis 2012*. Heidelberg, Kriminalistik Verlag, 2014. 78 S.
21. Valshina I. R. History of development of the summary proceedings in the Russian criminal process. *Aktual'nye problemy Rossiiskogo prava = Topical Problems of Russian Law*, 2015, no. 2, pp. 115–121. (In Russian).
22. Kuzmina O. V. Alternatives to prosecution in the Russian criminal trial. *Nauchnyi poisk = Scientific Search*, 2014, no. 3.2, pp. 42–47. (In Russian).
23. Karnozova L. M. Programs of restorative justice for juveniles. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2012, no. 4, pp. 143–153. (In Russian).
24. Shamlikashvili Ts. A. *Otchet po teme: «Izuchenie opyta zarubezhnykh i mezhdunarodnykh organov i organizatsii, rabotayushchikh v oblasti mediatsii i vosstanovitel'nogo pravosudiva, a takzhe professional'nykh ob"edinenii mediatorov s tsel'yu razrabotki predlozhenii po sovershenstvovaniyu sistemy mediatsii v Rossiiskoi Federatsii»* [Report on «Studying the experience of international bodies and organizations working in the sphere of mediation and restorative justice, as well as professional unions of mediators with the aim of developing recommendations on improving the system of mediation in the Russian Federation»]. Moscow, 2016. 69 p.
25. Shleifer A., Treisman D. A normal country: Russia after communism. *Journal of Economic Perspectives*, 2005, vol. 19, no. 1, pp. 151–174.
26. Gerber T. P., Mendelson S. E. Public experiences of police violence and corruption in contemporary Russia: A case of predatory policing? *Law & Society Review*, 2008, vol. 42, iss. 1, pp. 1–44.
27. Shlapentokh V. The hatred of others: The Kremlin's powerful but risky weapon. *World Affairs*, 2007, vol. 169, no. 3, pp. 134–142.
28. Semukhina O., Reynolds K. M. Russian citizens' perceptions of corruption and trust of the police. *Policing and Society*, 2014, vol. 24, iss. 2, pp. 158–188.
29. Zernova M. The public image of the contemporary Russian police: Impact of personal experiences of policing, wider social implications and the potential for change. *Policing: An International Journal of Police Strategies and Management*, 2012, vol. 35, iss. 2, pp. 216–230.
30. Pain E. A. Xenophobia and ethno-political extremism in post-soviet Russia: Dynamics and growth factors. *Nationalities Papers*, 2007, vol. 35, no. 5, pp. 895–911.
31. Sevortian A. Xenophobia in post-Soviet Russia. *The Equal Rights Review*, 2009, vol. 3, pp. 19–27.
32. Petersson B., Persson E. Coveted, detested and unattainable? Images of the US superpower role and self-images of Russia in Russian print media discourse. *International Journal of Cultural Studies*, 2011, vol. 14, no. 1, pp. 71–89.
33. Mendelson S. E., Gerber T. P. Us and them: Anti-American views of the Putin generation. *Washington Quarterly*, 2008, vol. 31, no. 2, pp. 131–150.
34. Hutchings S., Rulyova N. Commemorating the past/performing the present: Television coverage of the Second World War victory celebrations and the (de) construction of Russian nationhood. In Beumers B., Hutchings S., Rulyova N. (eds.). *The Post-Soviet Russian Media: Conflicting Signals*. London, Routledge, 2009, pp. 137–156.
35. Gans-Morse J. Threats to property rights in Russia: From private coercion to state aggression. *Post-Soviet Affairs*, 2012, vol. 28, iss. 3, pp. 263–295. DOI: 10.2747/1060-586X.28.3.263.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лысова Александра Владимировна — профессор Школы криминологии Университета им. Саймона Фрейзера, г. Ванкувер, Канада; главный научный сотрудник Дальневосточного федерального университета, доктор криминологии (Ph. D.), доктор социологических наук, г. Владивосток, Российская Федерация; e-mail: alysova@sfu.ca.

Кюри Хельмут — профессор Института иностранного и международного уголовного права общества Макса Планка, доктор психологических наук, г. Фрайбург, Германия; e-mail: helmut.kury@web.de.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Лысова А. В. Препятствия на пути развития восстановительного правосудия: сравнительный анализ России, Канады и Германии / А. В. Лысова, Х. Кюри // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12, № 6. — С. 806–816. — DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).806-816.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lysova, Alexandra V. — Assistant Professor, School of Criminology, Simon Fraser University, Vancouver, Canada; Senior Researcher, Far Eastern Federal University, Ph. D. in Criminology, Doctor of Sociology, Vladivostok, the Russian Federation; e-mail: alysova@sfu.ca.

Kury, Helmut — Professor, Max Planck Institute for Foreign and International Criminal Law, Doctor of Psychology, Freiburg, Germany; e-mail: helmut.kury@web.de.

FOR CITATION

Lysova A. V., Kury H. Obstacles to the development of restorative justice: a comparative analysis of Russia, Canada and Germany. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 6, pp. 806–816. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).806-816. (In Russian).